

УДК 380(470)"18"+308(497)"18"+141.82

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ УТОПИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX вв.

Д.В. Бугров

Аннотация

Статья посвящена проблеме отражения в общественно-политической мысли России конца XVIII – начала XX вв. внешнеполитических интересов страны на балканском направлении – приоритетном в международной политике Российской Империи. В статье исследуется малоизученный жанр социокультурной утопии, представляющий собой специфическую версию истории представлений и альтернативной истории. Именно этот жанр позволял сторонникам той или иной альтернативы истории относительно произвольно конструировать варианты идеального будущего, воплощавшие осуществленные политические предпочтения.

Ключевые слова: Балканский вопрос, социокультурная утопия, история представлений, альтернативная история, русские просветители конца XVIII в., национальная идентичность, отечественная утопия, воображаемая геополитика будущего.

Особое место в ряду проблем, характеризующих динамику межкультурного взаимодействия, занимает вопрос об особенностях международных отношений соседей по «большому евразийскому дому», о присущих им стереотипах и фобиях, которые в течение длительного времени служили (и отчасти продолжают служить) неким препятствием на пути к конструктивному диалогу.

Окончательное преодоление взаимного недоверия и настороженности невозможно без развенчания предубеждений и отказа от привычных поведенческих схем, таких, как противопоставление «своего» и «чужого», порождающее предубеждения, передаваемые из поколения в поколение. XXI столетие, конечно, если оно действительно явится столетием торжества прогресса, разума и гуманизма, неизбежно поставит перед человечеством чрезвычайно непростую задачу. Речь идет о необходимости отказа от антиномии «свой – чужой» и перехода к дихотомии «свой – другой».

Преодоление стереотипов невозможно без идентификации и устранения причин, порождающих эти стереотипы. Сегодня, когда мир адаптируется к вызовам глобализма и мультикультурализма, комбинирует новации и традиции, представляется актуальным обращение к опыту предыдущих эпох, когда новая история с ее верой в торжество и необратимость прогресса уступила место новейшему времени, которое поставило под сомнение практически все сложившиеся прежде ориентиры.

Русская литература досоветского периода нередко служила ареной острой борьбы идей в силу особенностей политических реалий императорской

России (отсутствия, а впоследствии неразвитости парламентаризма, стесненности процесса образования политических партий и т. д.). Особенно ярко борьба мнений относительно альтернатив развития страны выразилась в крайне интересном, но, к сожалению, малоизученном жанре отечественной прозы – социокультурной утопии. Именно этот жанр позволял сторонникам той или иной альтернативы истории с разной степенью произвольности конструировать некое идеальное будущее, воплощающее их политический идеал.

К началу XX в. русская утопическая литература, отдаляясь от классических образцов с их первичностью нравственного идеала, быстро модернизировалась (во многом под влиянием новейшей западной литературы) и концентрировалась на первоочередном выражении идеала социальной организации, разумного устройства общества. Интересы идеального государства (в том числе и внешнеполитические), место и роль этого государства в мире и его отдельных частях также требовали рационального объяснения.

Утвердившись в первой четверти XVIII в. в качестве регионального восточноевропейского гегемона, Россия уже с середины того же столетия начала претендовать на участие в «большой» европейской политике и преуспела в этом. «Окно в Европу», прорубленное Петром I в Прибалтике, к началу следующего века настолько расширилось за счет территориальных приобретений России на северо-востоке (через соучастие в разделах Речи Посполитой) и юго-востоке (благодаря ощутимым поражениям, нанесенным русским оружием когда-то могучей Османской империи), что обретение Россией нового для нее статуса великой европейской державы, о котором первые представители династии Романовых могли только мечтать, стало очевидным фактом. Этот статус был засвидетельствован и на полях сражений Семилетней войны, и в хитросплетениях дипломатических интриг (когда в тиши кабинетов рождались и умирали разнообразные комбинации альянсов великих держав: России, Австрии, Пруссии, Англии, Франции); он был подтвержден в Италии и Швейцарии неукротимым натиском «чудо-богатырей» Александра Суворова, на просторах Средиземного моря – мужеством моряков Федора Ушакова.

Дальновидные европейские политики, ревниво оберегавшие границы своих интересов, уже в XVIII в. понимали, что экспансия огромной Российской державы, раскинувшейся на необозримых просторах Евразии от Восточной Прибалтики и Северного Причерноморья до тихоокеанских вод, будет развиваться не только в центральноевропейском, но и в балканском направлении.

Во второй половине XVIII в. российское общественное мнение, сформированное представителями просвещенного дворянства с их прозападными настроениями, делало первые шаги, оценивая меняющуюся на глазах одного поколения роль России в Европе и мире. Переживавшая пору становления русская литература, искавшая (и находившая!) своего читателя, поначалу робко заимствовала проблематику и сюжетику из литературы европейского Просвещения: фокусировала свое внимание на рационалистических ценностях концепции просвещенного абсолютизма, следовала канонам классицизма с его акцентом на преемственности традиций античной Европы и Европы Нового времени. С успехами дипломатических и военных акций России и с её вхождением в клуб великих европейских держав отечественная литература на правах полноценного

участника общеевропейского литературного процесса с истинно просветительским пафосом занялась детальным рассмотрением социально-политических идеалов современности, помещая их в отдаленный Золотой век, когда человечество усилиями античных философов и драматургов духовно и умственно поднялось до неведомых эпохе Средневековья высот. Произведения русских авторов живописали картины счастливых, процветающих, справедливо организованных обществ эллинов или древних славян, – причиной тому был не только распространившийся в XVIII столетии пиетет в отношении античности, но и не менее свойственный просветителям интерес к общечеловеческой (в первую очередь, периода античности) и национальной истории¹. Победные громы с южных рубежей молодой империи, торжество «храброго росса» над османами, новые приоритеты внешней политики Екатерины II («Греческий проект» и пр.) вдохновляли писателей на создание сюжетов о древних греках и славных дулебах, делали их актуальными и идеологически верными. Константинополь, Балканы, Средиземное море, Передний Восток стремительно становились для обитателей Петербурга, Москвы и дворянских гнезд Центральной России вовсе не такими уж сказочно далекими. Отныне каждый сюжет о греческих мудрецах воспринимался как своеобразное «приуготовление» читающих россиян к действительному появлению подобных мудрецов на древней земле, ответственность за судьбу которой уже были готовы взять на себя православные государи.

В начале XIX в. в русской литературе произошло усиление этих мотивов: на Дунае вновь появились русские войска, а Турция, несмотря на поддержку Франции, испытала очередное унижение.

Если до Крымской войны, в ходе которой Россия противопоставила себя Европе, русские литераторы-утописты (Ф.В. Булгарин в 1828 г., В.Ф. Одоевский в 1840 г.)² опубликовали произведения, где будущее отечества представлялось им как будущее великой державы, пользующейся высочайшим авторитетом в мире и не имеющей, по сути, явных врагов, то в канун войны и особенно после ее завершения сюжеты их произведений стали более воинственными, а проза в целом приобрела гражданское, патриотическое звучание.

Эту тенденцию предвосхитил А.Ф. Вельтман – один из наиболее популярных российских литераторов первой половины XIX в. В 1828–1829 гг. он участвовал в боевых действиях между Россией и Турцией, а в 1833 г. выпустил трехтомную «Рукопись Мартына Задека» под интригующим заглавием

¹ См.: *Херасков М.М.* Кадм и Гармония // *Херасков М.М. Творения: в 12 ч.* – М.: Университетская типография у Хр. Клаудия, 1801. – Ч. VIII.; *Его же.* Кадм и Гармония // *Херасков М.М. Творения: в 12 ч.* – М.: Тип. М. Пономарева, 1807. – Ч. II, кн. VI–XI; *Его же.* Полидор, сын Кадма и Гармонии // *Херасков М.М. Творения: в 12 ч.* – М.: Тип. И. Зеленникова, 1794. – Ч. II, кн. V; *Его же.* Полидор, сын Кадма и Гармонии // *Херасков М.М. Творения: в 12 ч.* – М.: Университетская тип. у Любия, Гария и Попова, 1802. – Ч. II, кн. V; *Его же.* Нума Помпилий, или процветающий Рим // *Херасков М.М. Творения: в 12 ч.* – М.: Университетская тип. у Любия, Гария и Попова, 1803. – Ч. XII. *Чулков М.Д.* Пересмешник, или Славенская сказки. – М.: Тип. М. Пономарева, 1789. – Ч. V. *Эмин Ф.А.* Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда. – СПб., 1763; *Эмин Ф.А.* Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философские и военные его с сыном разговоры. – СПб., 1763; *Эмин Ф.А.* Письма Эрнеста и Доравры. – СПб., 1766. – Ч. I–IV и др.

² См.: *Булгарин Ф.В.* Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке // *Булгарин Ф.В. Сочинения.* – СПб.: Тип. А. Смирдина, 1830. – С. 74–169. – Ч. VI; *Его же.* Невероятные небылицы, или Путешествие к центру Земли // *Булгарин Ф.В. Сочинения.* – СПб.: Тип. А. Смирдина, 1830. – Ч. IX. – С. 55–106; *Его же.* Сцена из частной жизни в 2028 году, от Рождества Христова // *Булгарин Ф.В. Сочинения.* – СПб.: Тип. А. Смирдина, 1830. – Ч. VI. – С. 222–244; *Одоевский В.Ф.* 4338-й год: Петербургские письма // *Утренняя заря.* – СПб., 1840. – С. 307–352.

«МММCDXLVIII год». Действие утопического романа А.Ф. Вельтмана происходит в 3448 г. в процветающей Славении, созданной объединившим родственные народы Северным Орлом (то есть Россией) [1, с. 7]. За полвека до этого времени турки-османы переселились на берега Ливии, оставив славянам земли, славившиеся «роскошной природой, легким воздухом и неиссякаемым источником богатства». Столица России будущего – Босфорания (очевидно, бывший Константинополь). Автор не забывает уточнить географию Славении: «От ледников северного полюса до берегов Ливии, где древняя Атлантида приняла на лоно свое изнеженных потомков Чингиса и Тимура; от Арарата до Адриатического моря» [1, с. 38–39]. Показательно, что роман Вельтмана был издан в том же году, когда Россия и Турция подписали союзнический Ункяр-Искелесийский договор, оказавшийся, что продемонстрировал дальнейший ход событий, весьма недолговечным.

Уже в 1848 г. Ф.И. Тютчев патетически воскликнул:

*Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?*

Автор стихотворения «Русская география» [2, с. 292] обозначил пределы «царства» семью «великими реками» (Дунай, Нил, Эльба, Нева, Волга, Евфрат, Ганг). Показательно, что особое внимание Тютчев уделил именно Дунаю как новому рубежу великой России.

Стремление России утвердиться на Балканах не соответствовало ни австрийским, ни английским, ни французским интересам. Крымская (Восточная) война, сражения которой прогремели на обширных пространствах Причерноморья, Придунавья, Закавказья и даже на просторах Балтийского, Северного и Охотского морей, показала, насколько глубоки противоречия между великими державами – участниками «европейского концерта». Представления о том, какую роль суждено сыграть России в истории Балкан, нуждались в ревизии.

Общественное мнение России третьей четверти XIX в. в оценках роли и места страны в восточном вопросе не было единым. Позиция того или иного деятеля прямо зависела от его политических пристрастий и сводилась к одной из трех платформ, излагавшихся как в публицистике, так и в беллетристике. Каждая из этих платформ была по-своему утопична, так что после Крымской войны русская утопическая мысль в целом соответствовала известной классификации К. Мангейма, одного из основателей социологии знания, выделившего в 1929 г. такие уровни утопической рефлексии, как консервативное, религиозно-хилиастическое и социалистическо-коммунистическое сознание (см. [3, с. 180–207]).

Консервативно настроенные поборники официальной имперской политики в балканском вопросе видели Россию, изгоняющей Турцию с проливов и из Европы вообще, укрепляющейся на Балканах либо непосредственно, либо косвенно (через проект а-ля греческий или дакийский Екатерины Великой), а затем обозначающей свою гегемонию в Восточном Средиземноморье. Главным методом реализации этой политики признавалась прагматичная комбинация военных и дипломатических усилий в отношении не только и не столько одряхлевшей

Турции, сколько компаньонов по клубу великих держав, а базовым принципом являлся лозунг: «Россия превыше всего!»

Известную ценность для реконструкции этого идеала решения восточного вопроса представляет неоконченный роман С.Ф. Шарапова «Через полвека», увидевший свет в 1902 г. и содержащий своеобразный консервативно-монархический ответ на вызов американского социалиста Э. Беллами, эпатировавшего российскую интеллигенцию в 1888 г. своим утопическим романом «Через сто лет». Видный деятель консервативно-монархического движения С.Ф. Шарапов – дворянин, публицист, экономист, редактор-издатель «Русского дела», «Русского труда» и «Сеятеля». В 1875 г. он отправился добровольцем в Боснию и Герцеговину, чтобы способствовать освобождению южных славян от турецкого владычества. На III Всероссийском съезде русских людей, состоявшемся 2–7 октября 1906 г. в Киеве, С.Ф. Шарапов, благодаря киевлян за организационные хлопоты, высказал предположение, что в будущем именно Киеву суждено стать столицей России и всех славян [4, с. 211, 227].

Герой романа – некий житель Москвы, заснув в 1899 г., просыпается в благоденствующей России 1951 г., преобразованной согласно принципам «православия, самодержавия и народности». Знакомясь с географией заметно разросшейся империи, герой узнает, что она привольно раскинулась от Северного и Адриатического морей на западе до Индийского и Тихого океанов на востоке. Выясняется, что в 30-е годы XX в. Россия осуществила свою трехвековую мечту и овладела Константинополем, который, вслед за Киевом, Москвой и Петербургом, стал четвертой столицей великого государства. Характерно, что резиденцией имперского правительства является именно Киев, где находится и патриаршая кафедра. В состав России вошли: Австрия, Чехия, Моравия, Венгрия, Хорватия, Польша, Восточная Пруссия, Сербия, Румыния, Болгария, Греция, Афганистан, Иран, Манчжурия (см. [5, с. 50–59, 77]).

С переходом Центральной Европы и Балканского полуострова под юрисдикцию православного государя усугубился и без того глубокий духовный кризис католической части Европы, в большинстве своем отказавшейся от папства и распавшейся на автокефальные национальные церкви (см. [5, с. 70]).

Иную (при некоторой внешней схожести с официальной) позицию занимала славянофильски настроенная часть российского общества. Имперская политика в балканском вопросе казалась славянофилам чрезмерно прагматичной политикой «западного типа», когда в угоду реализму и конкретике приносятся в жертву глубинные интересы и духовность, а мессианство вырождается в лицемерный поиск компромиссов с другими державами (заметим, неславянскими и неправославными). Экстатическая вера в этноконфессиональную исключительность южного и восточного славянства, в мессианско-хилиастические перспективы славянской общности резко отличала славянофилов от националистов-прагматиков. В 1871 г., в период очередного обострения восточного вопроса, всплеск панславистских настроений отразил Н.Я. Данилевский. Классифицируя «культурно-исторические типы», понимаемые им как «самобытные цивилизации», живущие, развивающиеся и умирающие по особым законам, выстроив систему антропологических аргументов, он попытался доказать, что европейцы (в первую очередь, германцы), будучи представителями «прямолинейных

длинноголовых племен», по природе своей уступают славянским народам и тюркам, которые принадлежат, по его мнению, к «пряможелудным короткоголовым племенам». И в социально-политическом, и в экономическом, и в культурном отношении гармоничная четырехосновная славянская цивилизация также имеет больше перспектив, чем двусосновый германо-романский тип с его «преимущественно научным и промышленным характерами культуры» (см. [6, с. 174–177, 479, 508]).

Необходимость противостояния османской угрозе, а затем стремление во что бы то ни стало сохранить свою идентичность в жесточайших условиях турецкого владычества, по убеждению Н.Я. Данилевского, спасли самобытную культуру славян Балканского полуострова. В другой ситуации сербы и болгары не смогли бы «устоять против одновременно направленного на них политического гнета, религиозного гонения и житейского, бытового соблазна европейской культуры». В связи с этим колоссально возрастает значение Российской империи: «Все грозное значение России заключается в том, что она – прибежище и якорь спасения пригнетенного, но не раздавленного, не упраздненного обширного славянского мира». По Данилевскому, начавшийся во времена Карла Великого «период напора Запада на Восток, или, точнее, период напора германо-романского, католического и протестантского мира на православный славяно-греческий мир» закончился с наступлением эпохи Екатерины Великой.

Следующий исторический этап был связан «с зарождением мысли о возобновлении Восточной империи» и может быть назван временем отпора Востока Западу [6, с. 318, 322].

Константинополь необходим России, поскольку Российская империя неуязвима с запада, севера и востока, но ее южные рубежи представляют собой огромную ахиллесову пяту. Черное море должно стать внутренним русским озером. Но превращение Константинополя (Царьграда) в столицу России представлялось Н.Я. Данилевскому нецелесообразным. Царьград не должен непосредственно входить в состав Российской империи. «Освобожденный Константинополь, преобразенный в настоящий Царьград, должен быть сам по себе чем-то больше, нежели столицей русского царства, в отношении же к России быть меньше этого; не должен быть с нею в слишком тесной связи, иметь такое материнское значение, на которое имеет право только одна Москва. Одним словом, Царьград должен быть столицей не России, а всего Всеславянского союза», то есть «федерации славянских народов и всех вкрапленных между ними инородных племен». «Всеславянская федерация, с Россией во главе, со столицей в Царьграде – вот единственно разумное, осмысленное решение великой исторической задачи, получившей в последнее время название восточного вопроса» [6, с. 375–377, 384–385].

Эта федерация представлялась Н.Я. Данилевскому в следующем составе: Русская империя (с Галицией и Угорской Русью); Чехо-Мораво-Словацкое королевство (с Северо-Западной Венгрией); Сербо-Хорватско-Словенское королевство (с Черногорией, Боснией, Герцеговиной, Северной Албанией, Далмацией, Истрией, частями Штирии и Каринтии); Булгарское королевство (с большей частью Македонии); Румынское королевство (с Валахией, Молдавией, половиной Трансильвании, частями Буковины и Бессарабии); Эллинское королевство

(с Юго-Западной Македонией, малоазийским побережьем Эгейского моря, Критом и Кипром); Магьярское королевство (с Венгрией и половиной Трансильвании); Царьградский округ (с территориями, прилегающими к Босфору, Мраморному морю и Дарданеллам) (см. [6, с. 388–389]).

Балканским народам участие в федерации было бы чрезвычайно полезно не столько в силу противостояния турецкой угрозе (само возникновение всеславянского союза в отмеченных географических рамках сделало бы эту угрозу «археологической древностью»), сколько в силу специфических причин, глубоко различных для Сербии, Болгарии, Румынии и Греции. Сербам членство в федерации помогло бы избежать «обытальяненья, омагьярененья и онемеченья своей земли», а также не впасть в подражание Польше: «Бодрый и крепкий сербский народ должен опасаться польского обычая честолюбиво присваивать себе чужое, упуская свое». Сербский народ может преуспеть «только в политическом союзе со всем славянством, под главенством России». Болгарский народ в этом союзе «сможет сохранить свою самостоятельность, не сделавшись жертвою честолюбия соседней Сербии». Румынам ориентация на Россию и Всеславянский союз позволит обезопасить себя от «захватов магьяризма» – но для этого «жалкой интеллигенции» Румынии нужно отказаться от подражательного галломанства. Грекам с их исторической склонностью к морской коммерции участие в союзе сулит расширение перспектив международной торговли путем деятельной поддержки торговых операций греков могущественным военным флотом федерации (см. [6, с. 402–405]).

Таким образом, обретшая реальное воплощение Восточная Римская империя славянской (по преимуществу) нации оберегает федератов не только от внешних угроз, но и от неминуемых (вне союза!) своеобразных столкновений между собой (потенциальными нарушителями союзного согласия Н.Я. Данилевский считал Сербию и Венгрию).

Примечательно, что в литературно-утопической форме этот проект воплотил другой Данилевский – не биолог и философ Николай Яковлевич, а известный беллетрист Григорий Петрович. В написанном Г.П. Данилевским в 1880 г. рассказе «Жизнь через сто лет» показан мир в 1968 г. Китай подчинил себе Западную Европу и Северную Америку, Россия, дружественно-нейтральная в отношении Китая, помогла славянам изгнать турок с Балкан в Азию. На много-страдальном Балканском полуострове возникла союзная России Славяно-Греческая Дунайская империя. Россияне, следуя заветам Тютчева, вытеснили англичан из Восточной Индии и разместили в Калькутте третью (после Москвы и Санкт-Петербурга) столицу России (см. [7, с. 17–25]).

Подобную модель действительности конструировал А.А. Красницкий – автор выдержанного в духе панславизма консервативно-утопического романа «За приподнятою завесой» (1900). Его герои не только мечтают о «славянском братстве», «славянской солидарности», но и активно участвуют в политико-дипломатической деятельности по объединению всех славянских государств под эгидой монархической России. В конце XX в. русские войска одерживают убедительную победу над альянсом Австрии и Англии, противившихся объединению славян. В результате России удастся обрести Константинополь и объединить

славянские народы в Великий Всеславянский союз, ставший гарантией мира и процветания для всех жителей Европы (см. [8, с. 228–237]).

Впечатляющая идея создания Восточной Римской империи славянской нации как правопреемницы Восточной Римской империи греческой нации и антипода Западной Римской империи германской нации побуждала ревнителей славянской общности начертать на своих знаменах: «Славянство превыше всего!».

Наконец, третью позицию занимали те, кто отрицал и православие, и самодержавие, и уверенность в национальной исключительности, – приверженцы революционной демократии. Интеллигенты-народники, громко заявившие о себе в 60–70-е годы XIX в., в целом придерживались доктрины одного из своих вождей, лидера международного анархо-коммунизма М.А. Бакунина. В своих выступлениях они использовали основные положения его программной работы «Государственность и анархия», написанной в 1873 г. в ответ на образование в сердце Европы пугающе могучей Германской империи. Бакунин отмечал, что носителей германской идентичности отличают «их затаенная страсть, их единая цель создать огромное пангерманское государство, насильственно-всепоглощающее государство, перед которым бы трепетали все другие народы» [9, с. 422]. Балканские славяне, защищаясь от пангерманизма, ошибочно, по мнению автора, «противопоставили ему другую отвратительнейшую нелепость, другой не менее свободопротивный и народоубийственный идеал – панславизм», «стали ждать спасения от нашего всероссийско-царского кнута». Стремление создать единое могущественное славянское государство в основе своей явилось попыткой подражать немецкому образу мышления, «потому что новейшее государство, централистическое, бюрократическое и полицейско-военное, вроде, например, Германской или Всероссийской империи, есть создание чисто немецкое». Сами славянские народы изначально чужды идее государственности: «...по всей природе и по всему существу своему славяне решительно племя не политическое, то есть не государственное, ни одно славянское племя само собой не создало государства». С точки зрения Бакунина, Польское государство образовалось под влиянием германизма и латинизма, Чешское – германизма. В политической истории южных славян решающим фактором явилось наличие турецкой угрозы. В создании Российского государства «участвовали и татарский кнут, и византийское благословение, и немецкое чиновно-военное и полицейское просвещение» [9, с. 328–330]. Апологет идеи разрушения государства резюмировал: «Немцы ищут жизни и свободы в государстве; для славян же государство есть гроб. Славяне должны искать своего освобождения вне государства, во всенародном бунте против всякого государства, в Социальной Революции» [9, с. 337].

Следовательно, приверженцы как русского крестьянского социализма, так и анархического коммунизма в России выдвинули альтернативный официальному курсу лозунг: «Революция превыше всего!»

Российские интеллектуалы предлагали и другие («несистемные») варианты осмысления грядущего. В произведении выдающегося религиозного философа В.С. Соловьева «Краткая повесть об Антихристе» (в 1901 г. увидело свет третье ее издание) приведены апокалиптические пророчества со счастливым концом. Начавшийся XX век, по мнению автора, должен стать «эпохой последних великих войн, междоусобий и переворотов», временем торжества и крушения

панмонголизма, на смену которому приходит триумф единой Европы, частями которой становятся и Россия, и Турция. Пожизненным президентом Соединенных Европейских Штатов становится всемирно известный ученый, богатейший капиталист – в действительности Антихрист. С армией из русских, турецких, немецких, польских и венгерских полков он завоевал всю Азию, затем и Африку. Америка по собственной инициативе присоединилась к Европейским Штатам (см. [10, с. 152–157, 166–168]). Но Антихристу не удалось до конца подчинить себе человечество: христианство оказалось сильнее и Второе пришествие Христа ознаменовало наступление новой эпохи.

В исторической же реальности современная авторам утопических проектов Европа неминуемо двигалась к эпохе блокового противостояния. В этом проявилась неумолимая логика двух веков – уходящего девятнадцатого и близившегося двадцатого, которому, как оказалось, суждено остаться в памяти человечества отмеченным двумя мировыми войнами. В первом (как и в некоторой степени во втором) глобальном потрясении роль «порохового погреба» суждено было сыграть именно Балканам как региону, где противоречия великих держав переплелись в запутанный клубок нерешенных межэтнических проблем и взаимных геополитических претензий.

Эту тенденцию отразил крупнейший деятель отечественной социальной утопии Н.Г. Чернышевский, обратившийся к альтернативно-историческому моделированию в малоизвестных притчах «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле» (1871), фактически представляющих собой один рассказ. Здесь речь идет о своеобразном «предсказании», выполненном в форме восточной повести. Некий «марабут» сообщает Шамилю о том, что он видел во сне Казы-Муллу (Гази-Мухаммеда, первого имама Чечни и Дагестана, убитого в 1832 г.), и тот поведал о страшном для Кавказа будущем. Дело в том, что в России некий Пожиратель Книг (так в автобиографии Чернышевский называл самого себя) придет к мысли о создании чудо-машины, использующей неисчерпаемые источники природной энергии. Однако правительство превратит машину в своеобразное абсолютное оружие. При этом чудо-машина предназначена не для создания бомбы, а для ее доставки; «абсолютное оружие» – это катапульта, способная метнуть гигантскую бомбу «на тысячу верст в высоту». Используя эту пусковую установку, русские сбросят бомбу на Кавказ и сотрут его с лица земли [11, с. 342, 344]. Чтобы успокоить подданных, Шамиль «додумывает» историю о бомбах, полагая, что Россия использует две оставшиеся бомбы против Турции и Австрии: «Третья бомба – на Австрию. И истребит Вену. И землетрясением и осколками опустошит землю на сто часов пути кругом. И развалинами завалит Дунай и все реки и озера на пятьдесят часов пути кругом» [11, с. 354]. Однако в то время как разоренная гонкой вооружений Россия будет готовить четвертую бомбу, другие европейские державы, напуганные разрушениями, нанесут удар возмездия. Далее следуют эпизоды с изображением жутких картин всеобщего опустошения – первые в российской литературе описания последствий применения «абсолютного оружия». Австрия недвусмысленно исключена из числа великих держав Европы, способных адекватно отреагировать на атаку подобного технологического уровня.

Помимо «государственных романов» с их панорамным описанием будущего идеального социально-политического устройства, следует упомянуть еще об одном специфическом литературном жанре, который представляет существенный интерес в контексте изучения восприятия российскими консерваторами исторического опыта Германии и определения перспектив ее развития. Этот жанр, обозначенный известным шведским литературоведом А. Энгхольмом как «литературная (или воображаемая) война» [12, с. 53], особенно ярко проявился в мировой литературе конца XIX – начала XX вв. Создатели данного жанра пророчески указали на приближение Первой мировой войны.

Заметим, что военно-фантастические романы, в немалом количестве публиковавшиеся на рубеже веков, были скорее не романами-предупреждениями (они характерны для более позднего времени, когда человечеством уже был накоплен негативный опыт мировых войн), а являли собой два типа произведений жанра «литературной войны» – военно-технические предвидения (пропаганда технических идей, опережавших эпоху лишь на полшага) и геополитические размышления (определение литераторами «вероятного противника» и направления главных ударов, прогнозирование итогов войн).

На развитие жанра социокультурной утопии в России непосредственно влияла многоплановость внешнеполитических устремлений Российской империи: амбиции «двуглавого орла» на протяжении XIX – начала XX вв. реализовывались сразу в трех направлениях – на Западе (Польша, Центральная Европа), Юге (Балканы, черноморские проливы), Востоке (Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток).

Остановимся на двух наиболее типичных примерах этого жанра. А.Г. Канкевич (псевдоним «Беломор») – бывший морской офицер, дважды совершивший кругосветное плавание, в романе «Роковая война 18... года» (1889) обратился к событиям русско-турецкого противоборства, увенчав их разгромом турецкого флота и обретением русскими заветных проливов (см. [13, с. 56–67]). Н.Н. Шелонский в романе «В мире будущего» (1892) временем действия избрал далекий XXIX в., в котором Англия, растеряв все свои колонии, оказалась в застое самоизоляции, а Россия овладела Передним Востоком и значительной частью Азии (кроме дружественных ей Китая и Индии) (см. [14, с. 219, 244]).

Трагический для империй нового времени исход Первой мировой войны, ознаменованный крушением Австро-Венгерской, Германской, Российской и Османской монархий и приходом к власти в России большевиков подвел черту как под целой эпохой в истории международных отношений и эволюции российской внешней политики, так и под периодом расцвета жанра социокультурной утопии в отечественной литературе. Следует упомянуть, что неподдельный интерес к славянским народам Балканского полуострова не ослабевал и у представителей белой эмиграции. Неслучайно в 1920 г. генерал П.Н. Краснов, также пробовавший силы в утопическом жанре (см. [15]) предложил эвакуировать казаков в славянские страны и там начать готовить новый антибольшевистский поход на Дон, Кубань и Терек. Осенью 1921 г. этот план был подкорректирован: живший с февраля 1919 г. в Германии Краснов обратился к казакам, призвав их организовывать по месту жительства в эмиграции станицы и хутора. Казаки откликнулись на этот призыв и стали переименовывать свои колонии

в хутора, выбирать атаманов и реанимировать привычную военную организацию. Тот факт, что оказавшееся вдали от родной земли казачество с энтузиазмом восприняло инициативу генерала, находит подтверждение в создании в декабре 1921 г. в Белграде, а в 1922 г. в Венгрии станиц, носивших имя генерала П.Н. Краснова (см. [16, с. 124, 384]). Идея реставрации монархической государственности в России, начатой именно с территории Балкан, отнюдь не казалась фантастичной тем, кто на этот момент оставался верен панславистским идеалам.

В действительности Балканам предстояло сыграть совсем другую роль в сложнейшей интриге столкновения интересов различных государств, идеологий и военно-политических альянсов в постверсальском мире.

Summary

D.V. Bugrov. The Balkan Question in Russian Sociocultural Utopia of Late 18th – Early 20th Century.

The article regards the reflections on one of the priorities for the foreign policy of Russian Empire, namely its interests on the Balkans, in Russian social and political thought from late 18th to early 20th century. The little-known genre of social utopia is viewed as a specific kind of history of mentalities and alternative history. It was this genre that allowed the adherents of a certain historical alternative to arbitrarily construct the models of ideal future demonstrating the embodiment of their political preferences.

Key words: the Balkan question, social utopia, history of mentalities, alternative history, late 18th Russian enlighteners, national identity, Russian utopia, imaginative geopolitics of the future.

Литература

1. Вельтман А.Ф. МММCDXLVIII год. Рукопись Мартына-Задека. – М.: Изд-во А.С. Ширяева; тип. Августа Семена при Императорской медико-хирург. академии, 1833. – Кн. 1. – 179 с.
2. Тютчев Ф.И. Велик грядущий день // Тютчев Ф.И. Избранное. – М.: Истоки, 2003. – 560 с.
3. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–277.
4. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 1. 1905–1910. – 720 с.
5. Шарапов С.Ф. Через полвека: Фантастический политико-социальный роман // Сочинения Сергея Шарапова. Т. VIII. – М.: Типолитограф. А.В. Васильева и К°, 1902. – С. 1–80.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
7. Данилевский Г.П. Жизнь через сто лет // Данилевский Г.П. Полн. собр. соч.: в 24 т. – СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1901. – Т. 19. – С. 12–24.
8. Красницкий А.А. За приподнятою завесой. – СПб.: Тип. Я. Трея, 1900. – 244 с.
9. Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М.: Правда, 1989. – С. 291–526.
10. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. – СПб.: Труд, 1901. – 279 с.

11. *Чернышевский Н.Г.* Кормило кормчему. Знамение на кровле // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – М.: Гослитиздат, 1953. – Т. XVI. – С. 338–356.
12. *Энгхольм А.* Литературная война / Пер. Д.В. Бугрова // Уральский следопыт. – 1991. – № 3. – С. 53–55.
13. *Беломор (Канкевич) А.Г.* Роковая война 18... года. – СПб.: Типолит. Р. Голике, 1889. – 115 с.
14. *Шелонский Н.Н.* В мире будущего. – М.: Тип. И.Д. Сытина и Ко, 1892. – 315 с.
15. *Краснов П.Н.* За чертополохом: в 2 кн. – Рига: Грамату драугс, 1928. – Кн. 1. – 185 с.; 1929. – Кн. 2. – 178 с.
16. Россия в изгнании: Судьбы русских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 458 с.

Поступила в редакцию
28.01.09

Бугров Дмитрий Витальевич – кандидат исторических наук, ректор Уральского государственного университета имени А.М. Горького, г. Екатеринбург.
E-mail: *Dmitry.Bugrov@usu.ru*